

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

С.В. Бердаус

МЕСТО РАННЕЙ ЭТИКИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Э. ГУССЕРЛЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-33-01027
«Ранняя этика Э. Гуссерля в его “Лекциях по этике и аксиологии” (1914)».*

Обсуждается место ранней этики Гуссерля в его феноменологическом проекте. Автор обращается к таким понятиям, как «обучение искусству», параллелизм логики и этики, формальная практика и аксиология. С помощью анализа понятий «а priori» и «опыт» объясняется возможность исследования априорных структур сознания, касающихся практики и оценивания. Сделан вывод, что реконструкция этики Гуссерля открывает возможность проследить динамику процесса деформации соотношения теоретического и практического знания.

Ключевые слова: Гуссерль; феноменологическая этика; практический поворот; формальная этика; ранняя этика Гуссерля; феноменологический опыт; а priori.

Западная философия начала XX в. ознаменована двумя парадигмальными «поворотами»: метафизическим и лингвистическим. Однако не менее фундаментальное влияние оказал на облик современной философии также и практический поворот (конечно, имеющий отношение к метафизическому и лингвистическому). Суть этого поворота в общих чертах может быть сведена к потере актуальности демаркации знания на теоретическое и практическое в силу как минимум двух причин: 1) расставания философии с миром умозрительного, отвлеченного, «платоновского»; 2) обращения философии к жизни индивидуального сознания, опыту конкретного человека. Примеры хайдеггеровских экзистенциалов бытия в достаточной мере ясно иллюстрируют это затирание, смещение, если не ликвидацию границы между практическим и теоретическим. Безусловно, все это не могло не сыграть роли в развитии этики как неотъемлемой составляющей философского знания.

Одним из инициаторов практического поворота выступил основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль. Его учение, что не всегда очевидно, представляет собой традиционный союз онтологии, эпистемологии и этики. Неочевидность же этого союза, а также сложности интерпретации его этической составляющей во многом, на наш взгляд, объясняются как раз внутренней революцией в понимании практического и теоретического знания самого по себе. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что феноменология привлекала и привлекает к себе внимание в первую очередь как эпистемологический проект, как методология – заостренность именно на вопросах познания, логики и т.п., а также в целом антисистемный настрой феноменологии привели к тому (хотя формально это не основная причина), что исследования по этике остались в тени.

Таким образом, в данной статье мне хотелось бы восстановить равновесие и привлечь внимание российского читателя к тем исследованиям, которые Гуссерль проводил в области этики. Предметом исследования выступит ранний период этики Гуссерля, поскольку именно в рамках этого времени сформулированы те положения, которые, с одной стороны, де-

монстрируют сущностную сопричастность этики феноменологическому канону в целом, а с другой – помогают ухватить основной «нерв» трансформации как самой этики – если иметь в виду ее поздний этап, – так и мысли Гуссерля в целом – если иметь в виду достаточно этически (и экзистенциально) нагруженную позднюю работу «Кризис европейских наук». В этой связи задачами в статье видятся: 1) проведение общего обзора раннего периода этики Гуссерля; 2) экспликацию оснований сопричастности ранней этики феноменологии в целом.

Ранняя этика Гуссерля: истoki, проблемы, специфика

К работам по этике раннего периода относится ряд лекций, прочитанных Гуссерлем с 1908 по 1914 г. и изданных в 28-м томе «Собрания сочинений»¹ под названием «Лекции по этике и аксиологии 1908–1914 гг.» [1]. Примечательно, что изданные в этом томе «Лекции об основных вопросах этики и аксиологии 1914 г.» (далее «Лекции 1914 г.») были прочитаны годом позже публикации «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Поэтому эпитет «ранняя» по отношению к этическим работам этого периода носит скорее технический характер. «Лекции 1914 г.» произрастали на почве уже зрелых феноменологических идей: во-первых, Гуссерль неоднократно отсылает нас к Прологоменам (первому тому «Логических Исследований»), где он вводит понятие «обучение искусству» (Kunstlehre), которое является средоточием проблемы соотношения теоретического и практического знания; во-вторых, нашла свое продолжение концепция трех видов разума (теоретического, практического и аксиологического) из «Идей к чистой феноменологии», которая в «Лекциях 1914 г.» предстала в виде идеи параллелизма (Parallelismus) логики и этики.

В первом разделе «Лекций 1914 г.», который называется «Параллелизм между логикой и этикой», Гуссерль предлагает обратиться «...к параллелям логики и этики в соответствии с параллелями типов действий (Akt) и разума, на которых эти дисциплины

сущностно основаны: с одной стороны, разум, выносящий суждение, с другой – практический разум, в связи с чем напрашивается идея, что теперь также логике – в определенном и узко ограниченном смысле формальной логики – как параллель должна соответствовать в аналогичном смысле формальная и равным образом априорная практика» [1. S. 3]. Сама по себе идея параллелизма логики и этики, по всей видимости, важна была для Гуссерля по той причине, что предметную область этического знания он целенаправленно включал в общий план феноменологической психологии: «Научно обоснованные нормы психической деятельности предполагают научное познание этой деятельности, поэтому, само собой разумеется, что правила мышления, правила воли основываются на психологии мышления, психологии воли. Сущностные основы этики лежат также в психологии» [Ibid. S. 17]. В этой связи, как справедливо отмечает Лаврухин, «научное обоснование логики и этики должно осуществляться одновременно, по мере решения одной главной задачи – разработки универсальной феноменологической концепции разума, деятельность которого подразумевает как теоретическую, так и практическую составляющую» [2. С. 67].

С дисциплинарной точки зрения развитие параллели этики и логики происходит в плоскости концепта «обучение искусству»², которому в равной мере должны соответствовать и логика и этика. Достаточно четкое схватывание сути этого концепта мы находим у А. Рота: обучение искусству «не имеет цели проследить бесчисленные теоретические связи, оно является не системой истин, но системой правил, которым предписана практическая задача содействовать человеку в достижении определенных целей» [4. S. 71]. Первое, на что необходимо обратить внимание в приведенном определении, – это его нормативная природа. Этика как обучение искусству чего бы то ни было – искусству медицины, строительства, науки и проч. – это больше, чем просто моральный кодекс обыденной и профессиональной жизни человека, это сложный механизм, ответственный за *каждую* деятельность человека (ее цели, мотивы, средства и т.д.). Этика оказывается «нормативной наукой, которая должна предшествовать каждой технологии, универсальным способом обзирать человеческие цели и судить о них универсально со своей нормативной точки зрения, другими словами, исследовать, являются ли эти цели тем, чем должны быть (ob sie so sind, wie sie sein sollen)» [Ibid. S. 69]. В этом смысле Гуссерля не интересовали дескрипции и дефиниции добродетелей, которые мы находим, например, в «Никомаховой этике» Аристотеля. Скорее феноменологическая этика демонстрирует определенное сближение с этическими идеями Аристотеля в отношении – и это второе, на что мы хотели бы обратить внимание, – проблемы применения универсальной нормы к частной ситуации. Аристотель пытается решить эту проблему в контексте рассмотрения такой добродетели практического разума, как рассудительность (фроне́сис), в основе которой лежит особый тип силлогизма – практический, включающий в себя посылку с единичным термином. Гуссерль же, говоря об этике как о

дисциплине, формирует своего рода механизм, прибегнув к которому любой человек сможет «просчитать» алгоритм своего поведения в конкретной ситуации. Таким образом, с одной стороны, «этика – это научная дисциплина, а именно *обучение искусству*, которое постигает высшие жизненные цели, и, с другой стороны, пытается установить правила, которые бы облегчили отдельно взятому действующему субъекту разумное обустройство жизни и деятельности с учетом этих целей» [1. S. 384].

Для того чтобы механизм обучения искусству носил универсальный характер³, его нужно было «формализовать». В этом вопросе мы вновь наблюдаем столкновение идей Стагирита и основателя феноменологии: Гуссерль, признавая за Аристотелем основоположника классической логики, отмечал не в пример более слабую разработку этики, потому что «с самого начала он (Аристотель. – С.Б.) направлял исследования на материю поступка и его высшую цель, вместо того чтобы рассматривать общий формальный вопрос, а именно, формальные условия возможности разумного действия» [Ibid. S. 442]. Действительно, описание добродетелей в этике Аристотеля предполагает не более чем универсализацию характеров и нравственных особенностей его времени. По сути дела, это чисто эмпирическое исследование, хоть и обусловленное теорией счастья и общими представлениями об основаниях и целях человеческой деятельности. Поскольку исходным материалом для Аристотеля выступала моральная практика его времени, произведенная им универсализация имела достаточно узкие рамки. Гуссерль в этом смысле стремится к более «универсальной» универсализации: «В этической сфере, в сфере рациональной практики должно быть что-то вроде аналитики, что-то вроде формальной практики, комплекса принципов и законов, которые абстрагируются от “материи” практики и выражают закономерности в чистой форме, аналогично тому, как формально-логические законы поступают относительно знания, абстрагируясь от так называемой материи знания» [Ibid. S. 37].

С целью разъяснения собственной точки зрения Гуссерль посвящает часть своих лекций критическому осмыслению оппозиции этического эмпиризма Юма и этического абсолютизма (в терминологии «Лекций 1914 г.») Канта. В «Лекциях 1914 г.» он описывает традиционные недостатки этих двух этических систем: эмоциональная выхолощенность категорического императива в системе Канта и опасное – в смысле этического скептицизма – доминирование эмоции (аффекта, чувства) в системе Юма. Здесь может вызвать недоумение тот факт, что Гуссерль в поисках пути формализации этического дискурса отвергает (а не дорабатывает, например) кантовскую версию этического формализма. В настоящей работе мы не можем подробно осветить эту проблему, она имеет свою историю, связанную с резкой критикой категорического императива, инициированную еще Ф. Brentano, которую Гуссерль разделял и всячески развивал в своих этических работах. Одним из основных было различие взглядов на то, какая предметная область должна быть формализована. Кант в поисках

нравственно априорного отсекает все внешне детерминированное, в том числе и чувства, эмоции, которые, будучи апостериорными, по своему статусу опасны для этики, главным образом в силу своей относительности. Гуссерль же, несмотря на то что его антирелятивистский пафос в равной мере распространялся и на этику, «допускает» чувства и эмоции в эту область⁴. Это возможно в силу того, что феноменологическая этика охватывает иную предметную область, а именно специфические формы опыта, в которых нам даются любые этические переживания (в том числе и связанные с ними эмоции). Подробнее об этом будет сказано во второй части статьи. Здесь же отметим, что исследования этих специфических форм опыта должны осуществляться в рамках таких составляющих формальную этику дисциплин, как формальная практика, формальная аксиология и феноменология воли. И далее, согласно принципу параллелизма логики и этики, выстраивается следующее соотношение: «...формальная логика, которая чисто формально имеет дело с предложениями истинности, возможности, предположения и вероятности, вопросительности и т.д., коррелирует с учением о соответствующих актах разума и их нормативном регулировании, и исследование этого затем переходит в общую феноменологию сознания логического разума. Точно так же в отношении этики. С объективной или нозматической точки зрения мы переходим в точку зрения акта и его регулирования, и отсюда мы получаем систематически полное исследование в (рамках) чистой феноменологии оценивающего разума и волящего разума, которое интегрируется в общую феноменологию сознания в целом» [1. S. 141].

Итак, феноменология выводит нас из плоскости двухуровневого строения знания, где наука и эпистема имели самодовлеющее положение, не выходящее за рамки себя, и приводит нас к сознанию как динамичной системе, которую следует подробно изучить, обнаружить закономерности и, может быть, подчинить здравому смыслу. В результате этика становится не просто дисциплиной о поступке как следствии функционирования сознания, о целях и средствах этого поступка; этика становится знанием о душе и *всех* ее способностях, как отвлеченно-спекулятивных, так и предметно-ориентированных. Остается вопрос: каким образом этическое знание «интегрируется в общую феноменологию сознания в целом»?

Ранняя этика в системе феноменологии

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что формальные этические дисциплины каким-то образом должны быть интегрированы в общую феноменологию сознания. Если мы обратимся к работам Гуссерля, соотносимым с периодом ранней этики, то сможем обнаружить ряд текстов, в которых формальной практике и аксиологии отводится определенное место в иерархии (или системе) феноменологического знания.

Например, во «Введении и заключении к лекциям об основных проблемах этики и аксиологии» (1911), работе, посвященной скорее «идеи философии»,

нежели этике, Гуссерль предлагает следующий дисциплинарный эскиз сферы мунданной феноменологии: «Совершенно очевидно, что мы должны разделить философию как науку об абсолютном, во-первых, на чистую или априорную философию: она включает в себя целый комплекс учений о принципах, чистых или рациональных дисциплинах, чистой логике, чистом матезисе, чистой естественной науке, чистом учении о пространстве и времени, чистом сущностном учении о душе (индивидуальной и социальной), чистой теории ценности, чистой практике; и, кроме того, нозматические дисциплины и высшие дисциплины <...>. Во-вторых, на метафизику как абсолютную науку о фактической реальности, хорошо обоснованной в чисто философских дисциплинах, которые, конечно, не дают ей презумпции бытия, но скорее принципы обоснования и прояснения смысла, чистых норм и идеалов» [1. S. 182]. Более подробных рассуждений о формальной практике (чистой практике) и формальной аксиологии (чистой теории ценности), о каких-то особенностях этих дисциплин в этой работе нет; по всей видимости, уже в 1911 г. Гуссерль планировал посвятить им отдельные лекции, что имело место в «Лекциях 1914 г.». Еще одно упоминание или, точнее, включение интересующих нас формальных дисциплин в системный план можно встретить в «Лекциях по логике и всеобщей теории науки» (1917–1918 гг.), в которых Гуссерль предлагает очередной вариант проекта наукоучения, развернутый и весьма широкомасштабный. В этом проекте формальной практике и формальной аксиологии отведен целый параграф [5. S. 286–311], в котором около двадцати страниц посвящено базовым вопросам этих дисциплин.

Из того, что Гуссерль регулярно включал обсуждаемые дисциплины в общий план феноменологии, хотя и уделял им несравнимо меньшее внимание, чем иным вопросам, можно заключить, что роль этих дисциплин обусловлена их причастностью к основной области, в которой разворачиваются феноменологические исследования – сознанию. Это тривиальное заключение может быть специфицировано тем, что – как мы помним из вышеуказанного разделения – формальная практика, формальная аксиология представляют собой дисциплины, входящие в корпус априорной философии. И если в отношении, например, формальной логики или чистого матезиса, вопрос о возможности априорного исследования не возникает, то в отношении исследования практической области такой вопрос может возникнуть. Поэтому представляется целесообразным сделать несколько пояснений общего характера о понимании в рамках феноменологии *a priori*, а также соотносимого с ним понятия опыта.

Главное, на что следует указать, – Гуссерль не рассматривал предикаты «врожденный», «доопытный» по отношению к *a priori*. Акцент в понимании (толковании) смещен на необходимое, универсальное и общезначимое. Однако, в отличие от кантовской традиции, где «априорны в первую очередь принадлежащие субъекту способности, инструменты, орудия познания <...> а также все то содержание знания, ко-

торое выведено из априорных положений (понятий, принципов) самих по себе без непосредственного обращения к материалу опыта» [6. С. 83], в феноменологии необходимым, универсальным и общезначимым является именно опыт. И «лишь благодаря рефлексивно постигающим на опыте актам мы и знаем хотя бы что-то о потоке переживаний и о необходимой сопряженности такового с чистым Я, т.е. знаем о том, что поток переживания есть поле свободного совершения когитаций одного и того же чистого Я, что все переживания, относящиеся к этому потоку, суть переживания этого Я именно постольку, поскольку это Я может направлять свой взгляд на них, а “через них” может бросать взгляд и на иное – на чуждое этому Я». [7. С. 237]⁵.

Будучи одним из базовых в феноменологии, понятие опыта (*Erfahrung*) – многослойной, сложно охватываемой единым взором топки – живо реагировало на все эволюции гуссерлевской мысли. Метафорически феноменологический опыт может быть изображен как жизнь сознания, чистого Я, открытость сознания для перманентного познания. Если избегать метафор, то опыт может быть представлен как допредикативная, недискурсивная структура сознания, функционирование которой отражает универсальные и всеобщие условия познающей субъективности, чистого Я. Дабы еще раз подчеркнуть своеобразие феноменологического понимания опыта, в частности развеять какие-либо сомнения в том, что Гуссерль не противоречил сам себе, критикуя все формы эмпирической психологии и при этом выстраивая свою философию на понятии опыта, обратимся к следующим словам Л. Тенгели: «Под “опытом”, напротив, понимается процесс (*Vorgang*), который – по крайней мере частично – не подпадает под юрисдикцию сознания. В нём появляется, как выразился в “Феноменологии духа” Гегель, нечто новое “за спиной сознания”» [10. С. 210]. Таким образом, приступая к феноменологическому исследованию «фундаментальных артикуляций опыта: перцептивного, имагинативного, интеллектуального, волевого, аксиологического и т.д.» [11. С. 309], мы обращаемся к тем процессуальным структурам, к которым субъект не имеет сознательно-созидательного отношения, но в которых он себя обнаруживает и создает.

По всей видимости, широкий спектр априорных наук, составляющих чистую (априорную) феноменологию, и предусматривает возможность охвата всех вышеперечисленных «фундаментальных артикуляций опыта». Какие примеры феноменологического опыта мы можем привести для интересующих нас формаль-

ной практики и формальной аксиологии? Анализ «Лекций 1914 г.» показывает, что внимание Гуссерля было заострено на таких видах опыта, как оценивание, выбор, мотив, цель, желание и т.п. Как мы можем отметить, эти «позиции» одинаково актуальны и собственноручно для этики (если выходить за рамки ее феноменологического извода) как моральной теории, и для более широкого контекста – всех форм деятельности человека. Все это, в принципе, согласуется с тем глубоким убеждением Гуссерля, что «моральная философия – это *только часть* (курсив мой. – С.Б.) той этики, которая должна быть необходимо понята как наука о жизни рациональной субъективности» [12. С. 21].

В самом начале статьи мы сказали о том, что Гуссерль был одним из тех философов, кто в начале XX в. находился у истоков обратной стороны метафизического поворота – «практического поворота» в развитии западной философии. Идеальной задачей для нас было представить этику Гуссерля как одну из граней универсума феноменологического знания в целом, суммировав такие ее особенности, как: 1) постулирование примата практического над теоретическим в концепции обучения искусству (*Kunstlehre*); 2) формализация практического дискурса как «путь» комплементарной интеграции этики и онтологии в едином знании о сознании; 3) специфическая трактовка опыта как вариативной пульсации сознания, функционирования его как попеременно так и одновременно в теоретическом и практическом модусах. Нам сложно судить об успешности нашего предприятия, однако есть два соображения, которые не вызывают никакого сомнения. Первое – это необходимость экспликации этической стороны феноменологического знания, которая позволит ухватить концептуальный замысел этого проекта. Второе соображение носит историко-философский характер и заключается в том, что реконструкция этической составляющей феноменологии даст возможность проследить динамику процесса деформации соотношения теоретического и практического знания. Ключевыми фигурами этого процесса выступали Кант (постулат о независимости друг от друга теоретического познания и этики), Фихте (примат практического знания над теоретическим), Гуссерль (примат конкретно-этического исследования) и ученик Гуссерля Левинас, которому «принадлежит заслуга в установлении того факта, что онтология, даже фундаментальная, может не достигнуть основания, потому что основание принадлежит не к теоретической философии, а к этике» [13. С. 138].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомним, что Гуссерлиана состоит из четырех серий: основной является «Собрание сочинений» (*Gesammelte Werke*), которая включает книги и статьи, опубликованные Гуссерлем при жизни, и подборку его рукописей; серия «Документы» содержит биографические и библиографические материалы и переписку Гуссерля; серия «Материалы» в основном включает расшифровки лекций, которые были прочитаны Гуссерлем, а также дополнительные рукописи; кроме того, есть серия «Собрание сочинений» (*Collected Works*), в которой опубликованы английские переводы некоторых основных текстов.

² Перевод термина *Kunstlehre* в русских текстах имеет непростую историю. Несмотря на то что составляющие его лексемы – *Kunst* (искусство) и *Lehre* (учение, учеба, наставление) – лишены какой бы то ни было сложности в своем значении, при слиянии они образуют нечто настолько «концептуальное», что адекватный эквивалент слова, обозначающего этот концепт, подобрать в русском языке пока не получилось. Переводчики прибегают к самым разным словосочетаниям. Э.А. Бернштейн («Прологомены») переводит как «практическое руководство», В.И. Молчанов («Логические исследования» 2-й том) – как «техническое учение», Д.В. Кузницын («Кризис европейских наук») – и

этот перевод нам ближе всего – как «научение искусству». Со своей стороны, мы сначала избрали «легкий путь» и, сославшись на многослойность смысла концепта *Kunstlehre*, в [3] оставили его без перевода. Однако теперь понимаем, насколько важен этот термин для практической феноменологии Гуссерля и предлагаем свой перевод – «обучение искусству». По какой причине мы не принимаем до конца вариант Кузнецина? Дело в том, что слово «научение» само по себе уже имеет терминологическую нагрузку (психология), и эта нагрузка, на наш взгляд, может привести к искаженному пониманию значения *Kunstlehre*.

³ Универсальность в данном случае касается именно структурных аспектов. В содержательном смысле помимо идеи «общего, психологически обоснованного, логического обучения искусству, также вполне оправданы специальные обучения искусству, опирающиеся на группы наук и отдельные науки» [1. С. 5].

⁴ Этим объясняется интерес Гуссерля к этике Юма, да и в целом к его философии. Гуссерль отдает должное последовательности и внутренней согласованности теоретической и практической философии шотландского философа. Однако откровенно релятивистский настрой юмизанской этики был для Гуссерля неприемлем.

⁵ Отметим, что Гуссерль, часто сгущающий на проблему эквивокций в философской терминологии, обращал внимание студентов и своих читателей и на термин опыт. И если в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» термин «опыт» употребляется на регулярной основе, хотя и с оговорками, то, например, в работе «Феноменология и теория познания» (1917) Гуссерль без обиняков рекомендует избегать употребления этого термина: «...в современной научной ситуации для феноменологических взглядов лучше избегать слова «опыт» вообще, как бы неудобно это ни было. Поэтому мы предпочитаем говорить о (изначально дающем или опредмечивающем) *взгляде* (*Anschauung*) на индивидуальные единичные формы сознания (или «феномены», которые при очищении феноменологической редукцией называются трансцендентными чистыми феноменами)...» [8. С. 161]. В более поздних работах системный контекст наук, занятых описаниями различных видов опыта, будет соотноситься с так называемым миром опыта (*Erfahrungswelt*): «Этот мир опыта очевидным образом имеет определенную общую структуру во всех своих субъективных формах, которые изменяются в субъективной жизни и деятельности (*Wirken*), и не случайным образом, а априорно необходимым» [9. С. 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914 / Husserliana, Gesammelte Werke. Dordrecht; Boston; London : Kluwer Academic Publishers, 1988. Bd. 28. 523 s.
2. Лаврухин А.В. Идея практического разума в феноменологии Э. Гуссерля // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311, № 7. С. 80–84.
3. Бердаус С. В. «Kunstlehre» в философии Гуссерля: нормативность и выполнимость // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 352–365.
4. Roth A. Edmund Husserls ethische Untersuchungen. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1960. 171 s.
5. Husserl E. Logik und allgemeine Wissenschaftstheorie: Vorlesungen 1917/18 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 30. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1996. 555 s.
6. Перов Ю.В. Лекции по истории классической немецкой философии. СПб. : Наука, 2010. 531 с.
7. Гуссерль Э. Идея к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М. : Академ. проект, 2009. 489 с.
8. Husserl E. Aufsätze und Vorträge 1911–1921 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 25. Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 408.
9. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925. Dordrecht : Springer-Science+Business Media, B.V., 1968. 651 s.
10. Тенгели Л. Феноменология и категория опыта // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012. № 1 (2). С. 201–219.
11. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет? // Историко-философский ежегодник '90. 1991. С. 296–316.
12. Husserl E. Aufsätze und Vorträge 1922–1937 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 27. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1989. S. 333.
13. Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии // Логос. 2011. № 3 (82). С. 124–143.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 февраля 2019 г.

The Place of Early Ethics in the Phenomenological Project of Edmund Husserl

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 69–74.

DOI: 10.17223/15617793/442/8

Svetlana V. Berdaus, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s.berdaus@yandex.ru

Keywords: Husserl; phenomenological ethics; practical turn; formal ethics; early ethics of Husserl; phenomenological experience; a priori.

The article attempts to show the place of Husserl's early ethics within the project of phenomenology. Although it is a common-place to consider phenomenology as epistemology or methodology, there is a great number of Husserl's works on ethics. The author thinks that Husserl's early ethics works (which coincide with the transcendental stage) are devoted to the solving of the problems related to the practical turn. The practical turn correlating to the metaphysical turn of the beginning of the 20th century includes a number of radical modifications that eliminated the border between practical and theoretical areas. Since this eliminating affected the whole of the philosophical tradition of the past century, the study of Husserl's ethics is a relevant task. This article is one of the attempts to start this study. First of all, the author addresses the main ideas and concepts of Husserl's *Lectures on Ethics and Value Theory (1908–1914)*: the notion of practical and normative discipline (*Kunstlehre*), the idea of parallelism between logic and ethics, the concepts of formal practice and formal axiology. Considering the key ideas of Husserl's early ethics, the author notes the connection of these ideas with Husserl's previous works, shows their differences with the previous philosophical tradition (Aristotle), and briefly presents the essence of Husserl's disagreement with the ethical concepts of Hume and Kant. The author suggests solving the problem of the place and role of early ethics in phenomenology taking into account the involvement of formal ethical disciplines in consciousness as the main field of phenomenological research. Therefore, the author raises the question: how is it possible to study the a priori structures of consciousness which relate to practice and assessment? In order to answer it, the author of the article refers to the concepts of "a priori", "experience" and shows that Husserl understood these concepts differently from Kant. An experience within phenomenological tradition might be presented as a non-predicative and non-discursive structure of consciousness; the functioning of this structure displays universal conditions of cognitive subjectivity (pure I). Phenomenological research consists in referring to the process structures subjects do not have direct access to, but in which they find and recognize themselves. Thus, the aim of Husserl's formal ethics was to provide the possibility of a full coverage of all the "fundamental articulations of experience".

REFERENCES

1. Husserl, E. (1988) Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 28. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
2. Lavrukhin, A.V. (2007) Ideya prakticheskogo razuma v fenomenologii E. Gusserlya [The idea of practical reason in the phenomenology of E. Husserl]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 311 (7). pp. 80–84.
3. Berdaus, S.V. (2016) Kunstlehre in Husserl's philosophy: normativity and practicability. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 14 (3). pp. 352–365. (In Russian).
4. Roth, A. (1960) *Edmund Husserls ethische Untersuchungen*. Den Haag: Martinus Nijhoff.
5. Husserl, E. (1996) Logik und allgemeine Wissenschaftstheorie: Vorlesungen 1917/18. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 30. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
6. Perov, Yu.V. (2010) *Lektsii po istorii klassicheskoy nemetskoj filosofii* [Lectures on the history of classical German philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
7. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Book 1. Moscow: Akadem. proekt.
8. Husserl, E. (1987) Aufsätze und Vorträge 1911–1921. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 25. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers.
9. Husserl, E. (1968) *Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925*. Dordrecht: Springer-Science+Business Media.
10. Tengelyi, L. (2012) Fenomenologiya i kategoriya opyta [Phenomenology and the category of experience]. Translated from German by D. Kononets. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 1 (2). pp. 201–219.
11. Ricouer, P. (1991) Chto menya zanimaet poslednie 30 let? [What occupies me during the past 30 years?]. In: Motroshilova, I.V. (ed.) *Istoriiko-filosofskiy ezhegodnik'90* [Historical and Philosophical Yearbook'90]. Moscow: Nauka. pp. 296–316.
12. Husserl, E. (1989) Aufsätze und Vorträge 1922–1937. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 27. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
13. Marion, J.-L. (2011) Metaphysics and phenomenology – a relief for theology. *Logos*. 3 (82). pp. 124–143. (In Russian).

Received: 12 February 2019